

Когда напарники добрались до юго-западной окраины деревни, солнце стояло в зените, но под его яркими лучами глаза волков, вопреки логике, вспыхивали еще более потусторонним фосфорическим светом. Шкуры зверей облепила тошнотворная черная жижа, которая, засыхая, превращалась в серую корку. Эта грязь заменяла волкам доспехи, в разы повышая их защиту.

Ли Хуайхэн уже составил первое впечатление о нежити, и оно было, мягко говоря, скверным. Во-первых, это было попросту грязно. Во-вторых, из рассказов Таошэна следовало, что подобные существа рождаются из предсмертной злобы и неупокоенных обид, а потому обитают в самых смрадных и темных углах мира.

Эмоции, которые несла в себе нежить, были сплошь негативными. Лишенные рассудка твари в безумной ярости бросались на всё живое.

«Хорошо, что в игру не пускают детей до четырнадцати, — подумал Ли Хуайхэн. — Подобный мрачный сеттинг вызвал бы у них настоящий шок». Сам он, как взрослый человек и убежденный материалист, страха не испытывал. Единственное, что его по-настоящему коробило: почему монстры такие омерзительные? Неужели нельзя было сделать их хоть чуточку чище, ну, хоть немного привести в порядок?

Впрочем, было очевидно: влияние некой темной сущности на деревню становилось всё сильнее.

Заметив, как перекоилось лицо напарника, Цзюли понял: его спутник — неисправимый чистюля. Он молча взял этот факт на заметку.

Как бы ни было противно, Ли Хуайхэну пришлось смириться. Успокаивая себя тем, что всё это не по-настоящему, он сосредоточился на дистанционных заклинаниях. Маг зорко следил, чтобы ни один волк не подобрался слишком близко, а Цзюли тем временем мастерски удерживал на себе агрессию стаи, не давая зверям и шанса броситься на напарника.

Волки — существа стайные, и Цзюли приходилось постоянно маневрировать, перехватывая внимание хищников. Стоило ему на секунду потерять контроль, и Ли Хуайхэн мгновенно оказался бы под ударом. А вид летящих во все стороны ошметков липкой грязи явно не добавил бы магу настроения. Понимая это, Цзюли действовал предельно внимательно, просчитывая каждое движение волков.

Ли Хуайхэн не был глуп и быстро смекнул, к чему все эти сложности. Видя, как воин сдерживает стаю, он даже не знал, что и сказать. За внешней ледяной отстраненностью Цзюли скрывалась удивительная чуткость. В каждом его жесте сквозила забота, и Ли Хуайхэн впервые в жизни почувствовал себя под защитой.

Этот человек вел себя как истинный джентльмен. Ли Хуайхэн еще никогда не сталкивался с подобным: чтобы кто-то — не из членов семьи — так бережно относился к его внутреннему комфорту.

Вскоре задание было выполнено. Всю ночь они провели в непрерывных боях и, наконец, достигли четвертого уровня. Заметив, что время поджимает, Ли Хуайхэн решил попрощаться.

Цзюли выглядел бодрым, явно собираясь играть до утра, и Ли Хуайхэн не удержался от совета:

— Тебе бы тоже отдохнуть. Проснешься — и продолжишь, игра никуда не денется.

Многие «игровые маньяки» жили в бешеном ритме: восемь часов в капсуле, два часа перерыва — и снова в бой.

Цзюли не ожидал, что напарника будет волновать его сон. В груди разлилось странное тепло. Забота от человека, с которым он знаком всего несколько часов, почему-то не показалась ему неуместной или навязчивой.

— Ладно, — согласился он.

Ли Хуайхэн улыбнулся:

— Тогда завтра, как закончу с работой, сразу приду и составлю тебе компанию.

Заметив, как помрачнел Цзюли, Ли Хуайхэн замялся:

— Я... сказал что-то не то?

Цзюли нахмурился. Он не знал, был ли этот парень настолько наивен от природы или просто не чувствовал опасности. В нынешние смутные времена хватало тех, кто охотился на простаков, втираясь в доверие ради денег или забавы.

— Не будь так добр ко всем подряд, — бросил он.

Ли Хуайхэн оторопел и, прежде чем успел подумать, выпалил:

— Тогда мне быть добрым только к тебе?

Слова «разве плохо быть вежливым?» застряли в горле. Увидев, как изменилось лицо Цзюли, Ли Хуайхэн похолодел.

«Подождите, он же не мог это превратно понять?!»

Глядя на неопишное выражение лица напарника, Ли Хуайхэн впал в отчаяние. Это была

всего лишь шутка, но теперь, кажется, даже сам «пострадавший» поверил в его особый интерес. Теперь и в семи водах не отмоешься.

— Это был риторический вопрос! — попытался он оправдаться, чувствуя, как лицо заливают краска. Он не смел поднять глаз на Цзюли.

— О, — только и выдавил тот. По тону было ясно: он не поверил ни единому слову.

Ли Хуайхэн стиснул зубы:

— Ладно, я выхожу.

— Угу. До встречи.

— Спокойной ночи, — выдохнул маг.

Это не было сухим «увидимся», в «спокойной ночи» прозвучало нечто интимное, отчего взгляд Цзюли стал еще сложнее. Ли Хуайхэн не стал дожидаться реакции и нажал кнопку выхода. Покинув виртуальную капсулу, он рухнул на кровать и мгновенно провалился в сон.

Цзюли смотрел на то место, где только что стоял седовласый маг в темно-синей мантии. В списке друзей иконка Ши му буши хэн погасла. События прошедшего дня проносились перед глазами, как яркий калейдоскоп.

Как давно он не общался с кем-то вот так — запросто? Как давно он не покидал свой тесный мирок, чтобы просто поговорить?

Только когда напарник окончательно исчез, Цзюли расслабился.

Даже если виртуальная реальность стирает физические недостатки, создавая идеальный образ, некоторые вещи сидят слишком глубоко. Их нельзя просто вычеркнуть.

Тяжело вздохнув, Цзюли тоже вышел из системы.

Он открыл глаза. Внутренние стенки виртуальной капсулы украшали обои, которые он выбрал сам: бескрайний космос, мириады звезд и галактик. Целые скопления светил безмолвно мерцали над головой, словно пытаясь раздавить его в этом замкнутом пространстве.

Внезапно резкая, парализующая боль пронзила его. Цзюли до крови закусил губу, он выгнулся

дугой. Правой рукой он вцепился в стопу правой ноги, с силой потянув её на себя, пытаясь унять мучительную судорогу.

Он скорчился от боли. Постепенно приступ отступил. Рука бессильно упала. Цзюли сидел, опустив голову, не в силах пошевелиться. Лишь спустя долгое время он смог вытащить правую ногу из капсулы.

Когда он наконец выбрался наружу, его мощная фигура словно разом заполнила всё пространство комнаты.

В этом жилище было всего два помещения. Комната побольше служила одновременно спальней, кухней и гостиной, а та, что поменьше, была санузлом. Подобная конура по законам Империи не имела права на существование.

Недавно изданный указ гласил, что минимальная легальная жилая площадь должна составлять шестьдесят квадратных метров. Однако взрывной рост населения и баснословные цены на недвижимость привели к тому, что многим такие хоромы были не по карману.

Поэтому, несмотря на закон, процветала субаренда: люди ютились на десяти квадратных метрах, пытаясь в этой тесноте выстроить путь к своей мечте.

Цзюли же не мечтал. Он просто ждал смерти.

В крошечной комнате, где едва помещались капсула и кровать, свободного места почти не оставалось. У него еще были кое-какие сбережения, но деньги имели свойство заканчиваться.

Впрочем, чем такая жизнь отличается от смерти? Он просто тянул день за днем, стараясь лишь об одном: уйти не слишком позорно.

Цзюли пошатываясь подошел к единственному столу и взял стакан. Столешница была заставлена кухонными гаджетами, из-за чего казалась заваленной хламом. Осушив стакан, он почувствовал в голове звенящую пустоту. Вернувшись к постели — узкому ложу, где нельзя было даже раскинуть руки, — он лег на бок, лицом к двери, и забылся тяжелым сном.

Наступили выходные. Утро началось с суеты: гастрономический фестиваль, к которому они так долго готовились, наконец открылся.

Ли Хуайхэн поднялся ни свет ни заря. Прибыв в компанию, он вместе со всеми отправился на место проведения ярмарки. К счастью, за ними следовала целая колонна транспортных роботов, груженых оборудованием и продуктами, иначе люди просто повалились бы от усталости.

Погода стояла чудесная: солнце не палило, дождя не намечалось, лишь мягкий ветерок гулял по бескрайнему лугу, где уже вовсю расставляли свои шатры торговцы.

Ли Хуайхэн заметил, что Цзюрань здороваается чуть ли не с каждым владельцем лавки. Он перекидывался парой фраз, обменивался любезностями, и Ли Хуайхэн поразился, насколько тесен этот мир. Все крутились в одной и той же среде.

Они были конкурентами, но благодаря неизменной улыбке Цзюраня казались старыми друзьями.

Возможно, дело было в том, что за спиной Цзюраня стоял Юй Минси. Имея такую надежную опору, он мог позволить себе не гнаться за наживой и славой, сохраняя редкую чистоту души.

Движимый любопытством, Ли Хуайхэн решил поискать информацию о своем коллеге. Имея на руках конкретные данные, он не боялся перепутать его с каким-нибудь однофамильцем.

Увидев досье, Ли Хуайхэн невольно присвистнул. Список достижений Цзюраня выглядел настолько впечатляюще, что казался почти нереальным. Кроткий «учитель» оказался куда серьезнее, чем можно было представить.

<http://bllate.org/book/17471/1694535>